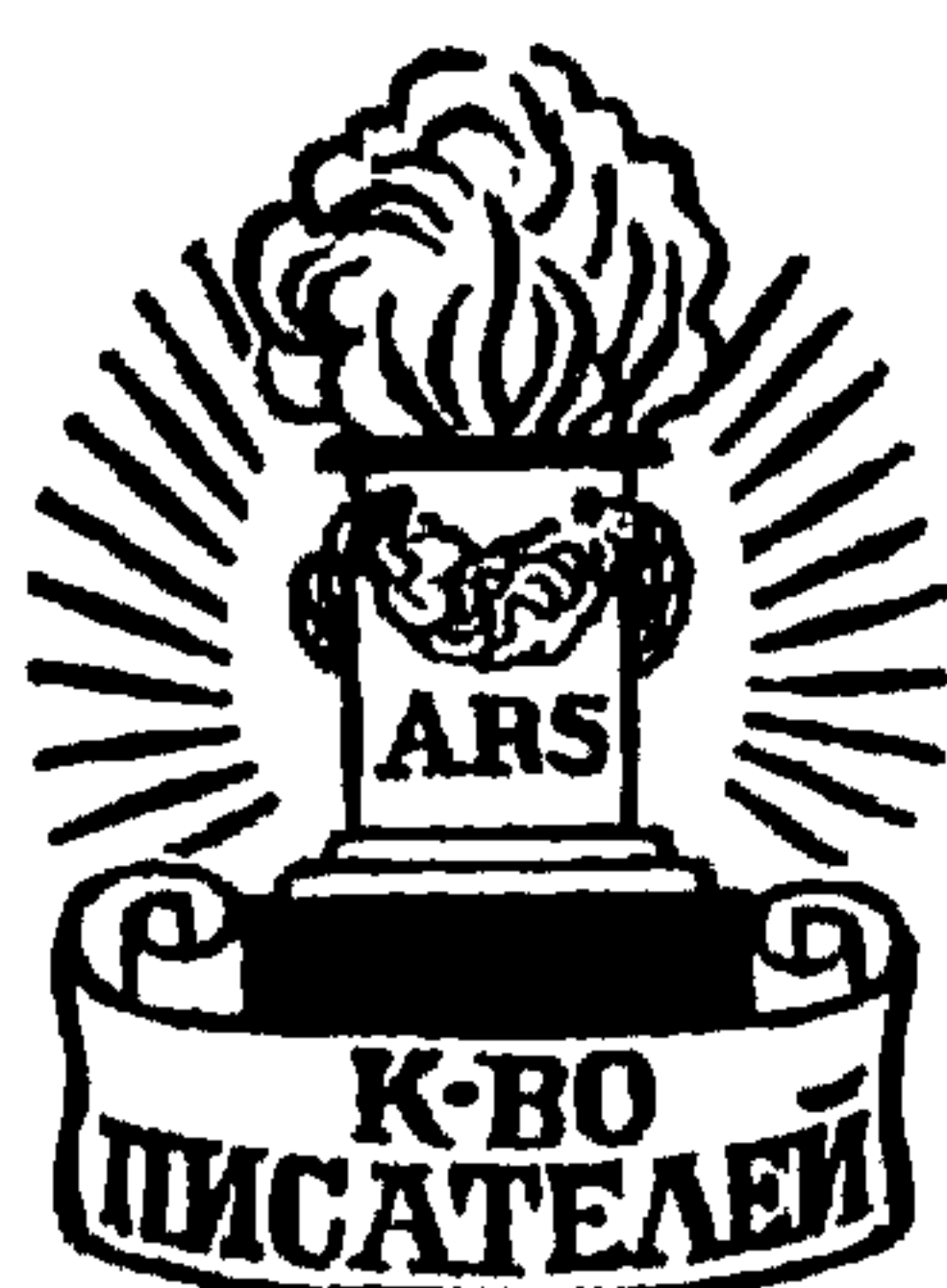

МАЗОВСКИЙ

ВОЛОШИН

СТИХИ

О
ТЕРРОРЕ

*Книга отпечатана
в тысяча девятьсот
двадцать третьем
году в типографии
Шнеер и Шмидт
в Берлине, Риттер-
штрассе 22.*

**ОБЛОЖКА РАБОТЫ
Л. ГОЛУБЕВА - БАГРЯНОРОДНОГО.**

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

СТИХИ О ТЕРРОРЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В БЕРЛИНЕ
1933

ISBN 0-933884-38-9

СТИХИ О ТЕРРОРЕ

У С О Б И Ц А

(Цикл о терроре 1920-21 г. г.)

I

СЕВЕРОВОСТОК

„Да будет благословен приход твой —
Бич Бога, которому я служу, и не мне
останавливать тебя“.

Слова Св. Лу, архиепископа
Труаского, обращенные к Атилле.

**Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек —
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный Северовосток.**

**Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окаемов,
Красных туч и пламенных годин.**

**Этот ветер был нам верным другом
На распутье всех лихих дорог —
Сотни лет мы шли навстречу выюгам
С юга вдаль на северовосток.**

Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба.
В этом ветре — вся судьба России —
Страшная безумная судьба.

В этом ветре — гнет веков свинцовых,
Русь Малют, Иванов, Годуновых —
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса —
Чертогона, вихря, свистопляса —
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья?
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дух самодержавья,
Взрывы Революции — в царях.

Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества —
Тот же хмель и та же трын-трава.

Ныне-ль, даве-ль? — все одно и то же:
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенев и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов,
И размах заплечных мастеров,
Сотни лет тупых и зверских пыток,

И еще не весь развернут свиток,
И не замкнут список палачей:
Бред разведок, ужас чрезвычайек —
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами —
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идем по ледяным пустыням —
Не дойдем... и в снежной выюге згинем,
Иль найдем поруганный наш храм —
Нам-ли весить замысел Господний?
Все поймем, все вынесем любя —
Жгучий ветер полярной Преисподней —
Божий Бич, — приветствую тебя!

1926 г. Перед приходом советской вла-
сти в Крым. Коктебель.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Одни возстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.
Другие из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погость
Отцов и братьев убиенных.
В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив разбойный древний дух
Зарудских, Стенек, Кудеяров.
В других, лишенных всех корней,
Тлетворный дух столицы Невской,
Толстой и Чехов, Достоевский —
Надрыв и смута наших дней.
Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле.
В других — весь цвет и гниль империй,
Все золото, весь тлен идей,
Прах всех богов и фетишей,
Научных вер и суеверий.
Одни идут освобождать

Москву и вновь ковать стихию,
Другие, разнуздав стихию.
Хотят весь мир пересоздать.
В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаяй жадной
Размыкать и продать врагам,
Сгноить ея пшеницы груды,
Ея безчестить небеса,
Пожрать богатство, сжечь леса
И высосать моря и руды.
И не смолкает грохот битв,
Средь золотых великолепий
Конями вытопанных жнитв,
И здесь и там между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас
Нет безразличных, правда — с нами».
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

1920 г. При Врангеле. Коктебель.

III

ТЕРМИНОЛОГИЯ

**«Брали на мушку», «ставили к стенке»,
«Списывали в расход» —**

**Так изменялись из года в год
Быта и речи оттенки.**

**«Хлопнуть», «угробить», «отправить на шлепку»,
«К Духонину в штаб», «разменять» —**

**Проще и хлеще нельзя передать
Нашу кровавую трепку.**

**Правду выпытывали из под ногтей,
В шею вставляли фугасы,**

**«Шили погоны», «кроили лампасы»,
«Делали однорогих чертей» —**

**Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,**

- **Чтоб разорить и поднять на ножи
Армии, царства, народы.**

**Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вшивой подстилке,
Всем быть распластным — с пулей в затылке
И со штыком в животе.**

1921, 29 IV. Симферополь.

IV

КРАСНАЯ ВЕСНА

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей, и стаи псов
В'едались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах,
А под окном стучали пулеметы,
Свистя, как бич по мясу обнаженных
Мужских и женских тел. Весна пришла.
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски —
Безрукие, безглазые. Не грязь,
А сукровица поползла по скатам,
Под талым снегом обнажились кости,
Подснежники мерцали точно свечи,
Фиалки пахли гнилью, ландыш — тленьем,
Стволы деревьев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными, а зелень злаков
Была опалена огнем и зноем.
Лицо природы искажалось гневом
И ужасом.

А души, вырванных
Насильственно из жизни — вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,

**Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутоленной жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу.
Зима была в тот год Страстной неделей
И красный май сплелся с кровавой Пасхой.
Но в ту весну Христос не воскресал.**

1920 г. 21 IV. Симферополь.

БОЙНЯ

Отчего встречаясь бледнеют люди
И не смеют друг другу глядеть в глаза?
Отчего у девушек в белых повязках
Восковые лица и круги у глаз?
Отчего под вечер пустеет город?
Для кого солдаты оцепляют путь?
Зачем с таким лязгом распахивают ворота?
Сколько сегодня — полтора? сто?
Куда их гонят вдоль темных улиц,
Ослепших окон, глухих дверей?
Как рвет и крутит восточный ветер
И жжет и режет и бьет плетью!
Отчего за Чумной по дороге к свалкам
Брошен скомканный кружевной платок?
Зачем уронен клочек бумаги,
Перчатка, нательный крестик, чулок?
Чье имя написано карандашем на камне?
Что нацарапано гвоздем на стене?
Чей голос грубо оборвал команду?
Почему так сразу стихли шаги?
Что хлестнуло во мраке так резко и четко?
Что делали торопливо и молча потом?
Отчего уходя затянули песню?
Кто стонал так долго, а после стих?
Чье ухо вслушивалось в шорохи ночи?

Кто бежал оставляя кровавый след?
Кто стучался и бился в ворота и ставни?
Раскрылась ли чьянибудь дверь перед ним?
Отчего пред рассветом к исходу ночи
Причитает ветер за карантинном?
«Носят ведрами спелые грозди,
Валят ягоды в глубокий ров...»
«Ах не грозди носят — юношей гонят
К черному точилу — дают вино».
Пулеметом дробят их кости и кольем
Протыкают яму до самого дна...
Уже до края полно точило кровью,
Зачервнели терновник и полынь кругом —
Прохватит морозом свежая грозди,
Зажелтеет плоть, заиндевеют волосы».
Кто у часовни Ильи пророка
На разсвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты:
«Не реви: собакам собачья смерть».
А она не уходит, и все плачет и плачет,
И отвечает солдату глядя в глаза:
«Разве я плачу о тех, кто умер?
— Плачу о тех, кому долго жить».

1921. Коктебель.

VI

ТЕРРОР

Собирались на работу ночью. Читали
Донесения, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.
С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Вызывали по спискам мужчин, женщин,
Сгоняли на темный двор,
Снимали с них обувь, белье, платье,
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.
Ночью гнали разутых, голодных,
По оледенелой земле,
Под северо-восточным ветром
За город, в пустыри.
Загоняли прикладами на край обрыва,
Освещали ручным фонарем.
Пол минуты работали пулеметы.
Приканчивали штыком.
Еще не добитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город, домой.
А к разсвету пробирались к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю, грызлись за кости,
Целовали милую плоть.

VII

НА ДНЕ ПРЕИСПОДНЕЙ

Памяти А. Блока и Н. Гумилева.

С каждым днем все диче и все глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит.
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.
Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь,
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.
Доканает голод или злоба, —
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.

Ноябрь, 1921. Феодосия, в больнице.

VIII

ГОТОВНОСТЬ

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещение
Совести, огня и вод?

Апокалиптическому Зверю,
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде — верю.

Верю в правоту верховных сил
Расковавших древния стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил».

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало —
Господи! — вот плоть моя.

Ноябрь 1921. Феодосия.

IX

ЗАКЛЯТИЕ

Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, изступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее одну молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгущих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

1920. Коктебель

Х

ПОТОМКАМ

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепых писмена.
Но может быть благоговейно память
Случайно стих изустно передает,
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада —
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы последнего Суда,
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы Революций!

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак, и брань, и мор, и трус, и глад —
Застигли нас посреди дороги,
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол.
Кровь—спайкой душ. Борьба за жизнь—законом.

И долгом — мечь.

Но мы не покорились!

**Ослушники законов естества —
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви. И в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей. Мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине.
В огне застенков выплавили радость
О преосуществлении человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенней — его последних судеб.**

**Далекие потомки наши! Знайте,
Что если вы живете во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью,
Где человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти —
То в этом мире есть и наша доля!**

1922. 21 V. Дорога между Симферополем и Феодосией.

П У Т Я М И К А И Н А

МЯТЕЖ

1

**В начале был мятеж.
Мятеж был против Бога
И Бог был мятежем.
И все, что есть началось чрез мятеж.**

2

**Из вихрей и противуборота возник
Мир осязаемых
И стойких равновесий.
И равновесье стало веществом,
Но этот мир — и стройный и разумный —
Был обречен природой на распад.**

3

**Чтобы не дать материи изникнуть
В нее впился сплавляющий огонь
И наименовался человеком.
Он тлеет в «Я», и вещество не может
Его с'ять, пожрать и удушить.
Горенье — жизнь. И в каждой точке мира
Дыхание, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье—
Творящий ритм мятежного огня.**

4

**Мир — лестница, по ступеням которой
Шел человек. Мы осязаем то,
Что он оставил на своей дороге.
Животные и звезды — шлаки плети,**

Перегоревшей в творческом огне:
Все в свой черед служили человеку
Подножием, и каждая ступень
Была надрывом творческого духа.

5

Лишь два пути раскрыты для существ
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.
Мятеж — безумье, ибо все законы
Природы — неизменны. Но в борьбе
За правду невозможного — безумец
Пресуществляет самого себя.
А приспособившийся замирает
На пройденной ступени. Зверь всегда
Приноровлен к склонениям природы,
А человек упорно выгребает
Противу водопада, что несет
Вселенную обратно в древний хаос.
Он утверждает Бога мятежем,
Творит неверьем, строит отрицаньем,
Он зодчий, но его ваяло — смерть,
А глина — вихри собственного духа.

6

Когда то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком —
Опаснейшим и злейшим из зверей —
 Безумным логикой
 И одержимым верой.
 Разум —
Есть творчество наыворот, и он
Вспядь изследил все звенья мирозданья,
Раз'ял весь мир на вес и на число,
Пророс сознанием до недр природы,

**Вник в вещество, впился как паразит
В хребет земли неугасимой болью,
К запретным тайнам подобрал ключи,
Освободил заклепанных титанов,
Построил им железные тела,
Запряг в неимоверную работу:
Преобразил весь мир, но не себя —
Он заблудился в собственных пещерах
И стал рабом своих же гнусных слуг.**

7

**Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.
Благоразумным:**

«Возвратитесь в стадо!»

Мятежнику:

«Пересоздай себя!»

ОГОНЬ

1

Плоть человека — свиток, на котором
Отмечены все даты бытия.

2

Как вехи, оставляя по дороге
Отставших братьев: птиц, зверей и рыб,
Путем огня он шел через природу.
Кровь — первый знак земного мятежа,
А знак второй — раздутый ветром факел.

3

В начале был единый Океан,
Дымившийся на раскаленном ложе.
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,
Пронзенная дыханьем и биеньем.
Планета стыла. Жизни разгорались.
Наш пращур, что из охлажденных вод
Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унес весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью волн —
Живую кровь, струящуюся в жилах.

4

Чудовищная твари размножались
На отмелях. Взыскательный ваятель
Смывал с лица земли и вновь творил

Обличия и формы. Человек
Невидим был среди земного стада.
Сползая с полюсов, сплошные льды
Стеснили жизнь кишевшую в долинах.
Тогда огонь зажженного костра
Оповестил зверей о человеке.

5

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец — невидимый и темный,
Зажженный в недрах от подземных лав.
И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометея,
Зажженный им от громовой стрелы.

6

Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью.
И женщина — блюстительница пепла
Из древней самки выплавил лики
Сестры и матери,
Весталки и блудницы.
С тех пор, как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага —
Пещера стала храмом,
Трапеза — таинством,
Огнище — алтарем,
Домашний обиход — богослуженьем.

**И человечество
Питалось и плодилось
Пред оком грозного,
Взыскующего Бога.**

**А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра, из золота из бронзы:
Гражданский строй, религия, семья.**

7

**Тысячелетья огненной культуры
Прошли с тех пор, как первый человек
Построил кровлю над гнездом Жар-птицы,
Браманта — пестик в деревянной лунке,
Стал знаком своеволя — Прометеем,
И человек сознал себя огнем,
Заклепанным в темнице тесной плоти**

МАГИЯ

1

На отмели незнаемого моря
Синбад-Скиталец подобрал бутылку
Заклепанную
Соломоновой печатью
И, вкрыв ее внезапно, впал во власть
В ней замкнутого яростного Джина.
Освободить и разнуздать не трудно
Неведомыя дремлющая воли:
Трудней заставить их повиноваться.

2

Когда непробужденный человек
Еще сосал от сна благой природы,
И радужныя грезы застилали
Видения дневного мира, пахарь
Зажмуривал глаза, чтоб не увидеть
Перебегающего поле фавна,
А на дорогах легче было встретить
Бога, чем человека, и пастух,
Прислушиваясь к шумам, различал
В дыханьи ветра чей то вещий голос,
Когда раз'ятые
Потом сознаньем силы
Ему являлись в подлинных обличьях,
И он вступал в борьбу и в договоры
С живыми волями, что раздували
Его очаг, вращали колесо,
Целили плоть, указывали воду, —
Тогда он знал, как можно приневолить

Себе служить Ундин и Саламандр
И сам в себе старался одолеть
Их слабости и страсти.

3

Но потом,
Когда от довременных снов сознания
Очнулся он к скупому дню, ослеп
От солнечного света и утратил
Дар ясновидения
И начал как дитя
Ощупывать и взвешивать природу,
Когда пред ним стихии разложились
На вес и на число — он позабыл,
Что в обезбоженной природе живы
Все те же силы, что овладевают
И волей и страстями человека.

4

А между тем в преображенном мире
Оне живут. И жадные Кобольты
Сплавляют сталь и охраняют руды.
Гнев Саламандр пылает в жарких топках,
В живом луче танцующие эльфы
Скользят по проволокам,
И мчатся в звонких токах,
Бесы пустынь, самумов, ураганов,
Ликут в вихрях взрывов, дремлют в минах
И сотрясают моторы машин,
Ундины рек и Никсы водопадов
Работают в турбинах и котлах.

5

Но человек не различает лики
Когда то столь знакомые, и мыслит

Себя единственным владыкою стихий,
Не видя, что на рынках и базарах,
За призрачностью биржевой игры,
Меж духами стихий и человеком
Не угасает тот же древний спор,
Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

6

Потому за каждым новым, дерзким
Разоблачением природы ждут
Тысячелетья рабства и насилий,
И жизнь нас учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В кровавую, расползшуюся жижу.
Покамест ненависть врага к врагу
Не сменится взаимным уваженьем,
В конечном счете только равным силе
Когда-то сдвинутой с устоев человеком —
Каждой ступени в области познания
Ответствует такая же ступень
Самоотказа: воля вещества
Уравновешивается моралью.
И в этом — Магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.

7

Но люди неразумны. Потому
Законы эти писаны не в книгах,
Но выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребления и машинах.

КУЛАК

1

**Из кулака родилось братство:
Каин первый
Нашел пристойный жест для выраженья
Родственного чувства, предвосхитив
Слова иных времен:
«Враги нам близкие,
И тот, кто не оставит
Отца и мать — тот не пойдет со мной»
Он понял истину,
Что первый встречный
Нам больше брат, чем близкие по крови.**

2

**Он — первый земледелец — ненавидел
Кровь жертвенных животных и принес
Плоды и колос вспаханного поля
В дар Богу,
Жаждавшему испарений крови.
Но был отвергнут
Его безкровный дар.
И он убил
Кочевника топтавшего посевы:
««А эта кровь — тебе угодна, Ягве?»
И прочь ушел с пылающим клеймом:
«Отмстися всемеро тому кто тронет
Отныне Каина».**

3

Порвавши узы кровного родства,

Он понял
Хмель одиночества
И горький дух свободы:
Строитель городов —
Построил первый тюрьмы;
Ковач металлов —
Сковал он первый плуг, топор и нож;
Создатель музыки —
Прислушиваясь к ветру,
Он вырезал свирель
И натянул струну;
Ловец зверей — он на стенах пещеры
Обвел резцом
Видения разгоряченных снов:
Бизонов, мамонтов,
Кабанов и оленей.

4

Так стал он предком всех убийц,
Преступников, поэтов — зачинатель
Ремесл, искусств, наук и ересей.

5

Кулак — горсть пальцев — пять руки,
Сжимающая сручье иль оружие:
Вот сила Каина!

6

В кулачном праве выросли законы,
Прекрасные и кроткие в сравненьи
С законом пороха
И правом пулемета.

**Их равенство в предельном напряженьи
Свободных мускулов;
Свобода — в равновесьи
Звериной мощи с силами природы.**

7

**Когда из пламени народных мятежей,
Взвивается кровавый стяг с девизом:
«Свобода, братство, равенство, иль смерть» —
Его древко зажато в кулаке —
Твоем, первоубийца Каин!**

МЕЧ

1

Меч — создал справедливость.

2

**Насильем скованный,
Отточенный для мщенья, —
Он вместе с кровью напился духом
Святых и праведников,
Им усекновенных.
И стала рукоять его ковчегом
Для их мощей (эфес поднять до губ —
Доныне жест военного салюта).
И в этом меч сподобился кресту —
Позорному столбу, что обратился
В священнейший из символов любви.**

3

**На справедливой стали проступили
Слова молитв и заповеди долга:
«Марии — Деве милосердной — Слава!»
«Не обнажай меня без нужды,
Не вкладывай в ножны без чести!»
«Ite, o, Domine, speravi!»
Восклицают
Средневековые клинки.
Меч сосвященствовал
Во время литургии,
Меч нарекался в таинстве крещения.
Их имена «Отклер» и «Дюрандаль»
Сверкают, как удар.**

**А в описях оружия
К иным прибавлено рукой писца:
«Он — Фея».**

4

**Так из грабителя больших дорог
Меч создал рыцаря
И оковал железом
Его лицо и плоть его; а дух
Провел сквозь пламя посвященья,
Запечатляя в зрящем сердце знак,
Пылающий в деснице Серафима:
Символ земной любви
Карающей и мстящей,
Мир разсекающей на «Да» и «Нет»
На зло и на добро. «Si! Si», «No! No!»
Как утверждает Сидов меч «Тисона»**

5

**Когда же в мир пришли иные силы
И вновь преобразили человека —
Меч не погиб, но разщепился в духе:
Защитницею чести стала шпага —
(— Ланцет для воспаленных самолюбий)—
А меч
Вершителем судебных приговоров.
Но обезчещенный,
Он для толпы остался
Оракулом
И врачевателем болезней;
И палачи, собравшись, хоронили
В лесах Германии
Усталые мечи,
Которые отсекли
Девяносто девять.**

Казнь реформировал
 Хирург и филантроп,
 И меч был вытеснен
 Машиным производством,
 Введенным в область смерти. С тех пор
 Он стал характером,
 Учением, доктриной:
 Сен-Жюстом, Робеспьером, гильотиной —
 Антиномией Кантова ума.

О, правосудие,
 Держащее в руках
 Весы и меч! Не ты ль его кидало
 На чашки мира: «Горе — побежденным?»
 Не веривший ли в справедливость
 Приходил
 К сознанию, что надо уничтожить
 Для торжества ея
 Сначала всех людей?
 Не справедливость ли была всегда
 Таблицей умноженья, на которой
 Труп множили на труп,
 Убийство на убийство
 И зло на зло?
 Не Тот ли, Кто принес «Не мир, но меч»
 В нас вдунул огонь, который
 Язвит и жжет, и будет жечь ваш дух,
 Доколе каждый
 Таинственного слова не постигнет:
 «От мщенье Мне, и Аз воздам за зло».

ПОРОХ

1

**Права гражданския писал кулак,
Меч право государственное, Порох
Их стер и создал воинский устав.**

2

**На вызов обращенный не к нему
Со дна реторт преступного монаха
Порох
Явил свой дымный лик и разметал
Доспехи рыцарей,
Как ржавое железо.**

3

**— «Несчастные, тащите меч на кузню,
А на плечо берите аркебузы:
Честь, сила, мужество — безмысленны.
Теперь
Последний трус стал равен
Храбрейшему из рыцарей» —
— «О, сколь благословенны —
Века неведавшие пороха
В сравненьи с нашим временем, когда
Горсть праха и кусок свинца способны
Убить славнейшего...»**

**Так восклицали
Неистовый Орланд и Дон-Кихот —
Последние мечи Средневековья.**

4

Привыкший спать в глубоких равновесьях
Порох
Свил чернсе гнездо
На дне ружейных дул,
В жерле мортир, в стволах стальных орудий,
Что б в ярости случайных пробуждений
В лицо врагу внезапно плюнуть смерть.

5

Стирая в прах постройки человека,
Дробя кирпич и камень и металл,
Он вынудил разрозненные толпы
Сомкнуть ряды, собраться для удара,
Он дал ружью — прицел, стволу — нарез,
Солдатам — строй, героям — дисциплину,
Связал узлами недра темных масс,
Смесил народы, сплавил государства,
В теснинах улиц вздыбил баррикады,
Низвергнул знать, воздвигнул горожан,
Творя рабов свободного труда
Для равенства мещанских демократий.

6

Он создал армию,
Казарму и солдат,
Всеобщую военную повинность,
Безпрекословность, точность, дисциплину
Он сбил с героев шлемы и оплечья,
Мундиры, шпаги, знаки, ордена,
Все оперение турчинов и парадов
И выкрасил в зелено-бурый цвет

**Раз'езженных дорог,
Растоптанных полей,
Разверстых улиц, мусора и пепла —
Цвет кала и блевотины, который
Невидимыми делает врагов.**

7

**Но черный порох в мире был предтечей
Иных еще — властительнейших сил:
Он распахнул им дверь и вот мы на пороге
Клубящейся, невероятной ночи,
И видим облики чудовищных теней
Не названных, но мыслимых, которым
Поручено грядущее земли.
Закончился не только век Меча,
Но все цветенье огненной культуры.
На месте Агни воцарился взрыв,
И вихрь над устьем динамитной бомбы
Стал символом раз'явшихся времен.**

ПАР

1

Пар вился струйкою
Над первым очагом.
Покамест вол тянул соху, а лошадь
Возила тяжести,
Он тщетно дребезжал
Покрышкой котелка, шипел на камне,
Что б обратить вниманье человека.

2

Лишь век назад хозяин догадался
Котел, в котором тысячи веков,
Варился суп поставить на колеса,
И, вздев хомут, запрячь его в телегу.
Пар выпер поршень, напружил рычаг,
И паровоз, прерывисто дыша,
С усилием сдвинулся
И потащил по рельсам
Огромный поезд клади и людей.

3

Так начался век Пара. Но покорный
Чугунный вол внезапно превратился
В прожорливого Минотавра:
Пар послал
Рабочих в копи — рыть руду и уголь,
В болота — строить насыпи, в пустыни —
Прокладывать дороги;
Запер человека
В застенки фабрик, в шахты под землей,

Запачкал небо угольною сажей,
Луч солнца копотью,
И придушил в туманах
Расплесканное пламя городов.

4

Пар сократил пространство, сузил землю
Сжал океаны, вытянул пейзаж
В однообразную
Раскрашенную ленту
Холмов, полей, деревьев и домов,
Бегущих между проволок; замкнул
Просторы путнику; лишил ступни
Горячей ошупи
Неведомой дороги,
Глаз радости открытья новых далей,
Ладони посоха и ноздри ветра.

5

Дорога, ставшая
Грузоподъемностью,
Пробегом, напряженьем,
Кратчайшим разстояньем между точек,
Ворвалась в город, проломила бреши
И просеки в священных лабиринтах,
Разсекла толщи камня, превратила
Проулок, форум, улицу — в канавы
Для стока одичалых скоростей,
Вверх на мосты загнала пешеходов,
Прорыла крысы ходы под рекою
И вздернула подвесные пути.

6

Свист, грохот, лязг, движение — заглушили
Живую человеческую речь,

Немыслимыми сделали молитву,
Беседу, размышленье; превратили
Царя вселенной в смазчика к. нес.

7

Адам изваян был
По образу Творца,
Но паровой котел счел непристойной
Божественную наготу
И пересоздал
По своему подобию человека:
Облещ его в ливрею, без которой
Тот не имеет права появляться
В святилищах культуры.
Он человеческому торсу придал
Подобие котла,
Украшенного клепками;
На голову надел дымоотвод,
Лоснящийся блестящей сажей; ноги
Стесал как два столба,
Просунул руки в трубы,
Одежде запретил все краски, кроме
Оттенков грязи, копоти и дыма,
И, вынув души, вдунул людям пар.

МАШИНА

1

Как нет изобретателя, который
Чертя машину, ею не мечтал
Облагодетельствовать человека,
Так нет машины, не принесшей в мир
Тягчайшей нищеты
И новых видов рабства.

2

Пока рука давила на рычаг,
А воды
Вращали мельничное колесо —
Их силы
Не нарушали древних равновесий.
Но человек
К извечным тайнам подобрал ключи
И выпустил плененных исполинов.

3

Дух воплощаясь в чреве строит тело.
Пар, электричество и порох,
Овладевши
Сознаниям и старостями человека,
Себе построили
Железные тела
Согласно
Своей природе: домны и котлы,
Динамо-станции,
Моторы и турбины.

Как ученик волшебника, призвавший
 Стихийных демонов,
 Не мог замкнуть разверстых ими хлябей,
 И был затоплен с домом и селеньем —
 Так человек не в силах удержать
 Неистовства машины: рычаги
 Сгибают локти, вертятся колеса,
 Скользят ремни, пылают недра фабрик,
 И, содрогаясь в непрерывной спазме,
 Стальные чрева мечут, как икру,
 Однообразные,
 Ненужные предметы
 (Воротнички, автомобили,
 Граммофоны) —
 Мильонами миллионов —, затопляя
 Селенья, области и страны —
 Целый мир,
 Творя империи,
 Захватывая рынки,
 И нет возможности
 Остановить их ярость,
 Ни обуздать разнузданных рабов.

Машина — повелитель человека:
 Ей нужен раб, что б вытирать ей пот,
 Что б умащать промежности елеем,
 Кормить огнем и принимать помет.
 А социально ей необходимы:
 Кишащий сгусток мускулов и воля,
 Воспитанный в голодной дисциплине,

И жадный раб, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.
Сказала Хаму: «Ты венец культуры»
(И, высосанный ею до мозгов,
Себя почувствовал царем вселенной)
Другим же зарубила: «Нет закона
Иного кроме классовой вражды».
Так был на зависти заложен свод
И основалось Каиново братство
Всех граждан мира в рабстве и в труде.

6

Машина научила человека
Пристойно мыслить, здраво рассуждать
Она ему наглядно доказала,
Что духа нет, а есть лишь вещество,
Что человек — такая же машина,
Что звездный космос только механизм
Для производства времени, что мысль
Простой продукт пищеваренья мозга,
Что бытие определяет дух,
Что гений — вырождение, что культура —
Увеличение числа потребностей,
 Что идеал —
 Благополучие и сытость,
Что есть единый мировой желудок,
И нет иных богов кроме него.

7

Осуществленье всех культурных грез:
Гудят столбы, звенят антенны, токи
Стремят в пространствах звуки и слова,
 Разносит молния
 Декреты и указы
Полиции, правительства и бирж —

Но ни единой мысли человека
Не проскользнет по чутким проводам.
Ротационные машины мечут
И день и ночь печатные листы,
Газеты вырабатывают правду
Одну для всех на каждый день и час,
Но ни одной строки о человеке —
О древнем, замурованном огне.
Течет зерно по трюмам и амбарам,
Порты и рынки ломаются от яств,
Горячей снедью пышут рестораны,
Но ни единой корки для голодных —
Для незанумерованных рабов.
В пучинах вод стальная рыщет рыбы,
Взрывают хляби тяжкия суда,
 Гоют пропеллеры
 В заоблачных высотах;
Земля и воды, воздух и огонь —
Все ополчилось против человека.
А в городах, где заперты рабы, —
Распахнуты театры и музеи,
 Клокочут площади,
 Ораторы в толпу
 Кидают лозунги
 О ненависти классов,
О социальном рае, о свободе,
О радостном содружестве племен.

И нищий с оскотенною душою,
С охолощенным мозгом торжествует
Триумф культуры, мысли и труда...

ГОСУДАРСТВО

1

Из совокупности
Избытков, скоростей,
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечем,
Законом и согласием. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Все строится на выгоде, на пользе,
На выживании приспособленных,
На силе.
Его мораль — здоровый эгоизм.
Цель бытия — процесс пищеварения.
Мерило же культуры — чистота
Отхожих мест и емкость пищеводов.

2

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови. Судия,
Как исполнитель Каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен.
Убийца без патента не преступник,
А конкурент; ему пощады нет:
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

3

Из всех насилий
Творимых человеком над людьми
Убийство — наименьшее,
Тягчайшее же — воспитанье.
Правители не могут
Убить своих наследников, но каждый
Стремится исковеркать их судьбу:
В ребенке с детства зреет узурпатор,
Который должен быть
Заране укрощен.
Смысл воспитания
Самозащита взрослых от детей.
Поэтому за рангом палачей
Идет ученый комитет
Компрачиков,
Искусных в производстве
Обеззараженных,
Кастрированных граждан.

4

Фиск есть грабеж, а собственность есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретения. Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег. Профиль на монете
И на кредитном знаке герб страны
Есть тоже самое, что оттиск пальца
На антропометрическом листке:
Расписка в преступлении. Только руки

Грабителей достаточно глубоки,
Что б удержать награбленное. Воры,
Бандиты и разбойники — одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, тайным, равным и прямым
Избрать достойного —
Единственный критерий
Для выборов: искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступленью.
Поэтому парламентскимъ вождем
Является всегда наикнаглеший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное —
Ей надо
Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

6

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная, признанная правда.
Она готовится

Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности
И вкусы и мозги.
Ее обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Ее глотают наскоро в трамваях,
И каждый сделавший укол с утра
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды:
Может спорить,
Шуметь в собраниях и голосовать.
Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, и спички, и табак —
Из патентованных наркотиков —
Газета
Есть самый сильно-действующий яд.

7

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса: уголовный
И правящий. Во время революций
Они меняются местами. В чем
По существу нет разницы, но каждый,
Дорвавшийся до власти, сознает
Себя державной осью государства,
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и разстрела.
Что б довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное Правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив уособиц.
Так Революция,

**Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гаротты
Сжимает ту же шейные хрящи.
Благонадежность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор —
Вот достижения
И гений революций!**

ВОЙНА

1

Был долгий мир. Народы были сыты
И лоснились: довольные собой,
Обилием и общим миролюбьем.
Лишь изредка, переглянувшись, все
Кидались на слабейшего и разом
Его пожравши, пятились, рыча
И челюсти ощеривая на бок,
И снова успокаивались. В мире
Все шло как следует: трильон колес
Работал молотами, рычагами,
Ковали сталь, сверлили пушки, химик
Изготавливал лиддит и мелинит,
Ученые изобретали способ
За способом для истребления масс,
Политики чертили карты новых
Колониальных рынков и дорог,
Мыслители писали о всеобщем
Ненарушимом мире на земле,
А женщины качались в гибких танго
И обнажали пудренную плоть.
Монометр культуры достигал
До высочайшей точки напряженья.

2

Тогда из бездны внутренних пространств
Раздался голос возвестивший: «Время
Топтать точило ярости! За то,
 Что люди демонам,
 Им посланным служить,

Тела построили
И создали престолы,
За то что гневу
Огня раскрыли волю
В разбеге жерл и в сжатости ядра,
За то, что безразличью
Текучих вод и жаркого тумана
Дали мускул
Бегущих ног и вихри колеса,
За то, что в своевольных
Течениях воздуха
Сплели гнездо мятежным духам взрыва,
За то, что жадность руд
В рать пауков железных превратили,
Неумолимо ткущих
Сосущая и душащая нити, —
За то освобождаю
Плененных демонов
От клятв покорности,
А хаос сжатый в вихрях вещества
От строя музыки!
Даю им власть над миром,
Покамест люди
Не победят их вновь,
В себе самих смилив и оборов
Гнев, жадность, своеволие, безразличие.

3

И некий бес воскликнул издеваясь:
«Снимается проклятье Вавилона;
Языков разделенью
Пришел конец; одни и те же речи
Живут в устах врагов!
Но смысл имен и емкость слов
Я исказил внутри.

Понятия спутались, язык же стал
Безвыходно единым: каждый мыслит
 Войной убить войну
И одолеть жестокостью жестокость.
И мученик своею правдой множит
 Мою же ложь!
 Мудрость
Безстыдно обнажившись как блудница
 Ласкает воинов,
А истины сошедшая с ума
 Резвясь скользят по лужам
Оледенелой крови. Человеку
Достигшему согласия во всем
Не остается ничего иного,
Как истреблять друг друга до конца».

4

И видел я: разверзлись двери неба
 В созвездьи Льва, и бесы
 На землю ринулись.
Сгрудились люди по речным долинам,
Означившим великих царств межи,
 И, вырывши в земле
Ходы змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ:
 Сами —
 И пастыри и пища.

5

Время как будто опрокинулось,
И некрещеным водой Потопа
Казался мир: из тины выползали
Огромные коленчатые гады,
Железные кишели пауки,

Змей глотали молнии,
Драконы извергали
Снопы огня и жалили хвостом,
В морях и в реках рыбы
Метали
Икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застигался, сыпались на землю
Разрывные и огненные яйца,
Тучи насекомых
Чудовищных строением и размером
В телах людей
Горючие личинки оставляли, —
И эти полчища исчадий
Получивших
И гнев, и страсть, и злобу от людей,
Снедь человечесю жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли,
Жевали, пожирали,
А города подобно жерновам,
Без устали вращались и мололи
Зерно отборное
Из первенцов семейств
На пищу демонам.
И тысячи людей
Кидались с вдохновенным иступленьем
И радостью под обода колес.
Все новые и новые народы
Сбегались и сплетались в хороводы
Под гром и лязг ликующих машин.
И никогда подобной пляски смерти
Еще не видел изступленный мир!

6

Еще! еще! И все казалось мало...

Тогда раздался новый клич: «Долой
Войну племен, и армии, и фронты —
Да здравствует всеобщая война!»
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубили, били,
Разстреливали, вешали, пытали,
Сдирали скальпы, резали ремни,
Сквернили церкви, жгли дворцы, взрывали
Пути, мосты, заводы, города,
Уничтожали склады и запасы,
Ломали плуги, угоняли скот,
Гноили хлеб, опустошали села,
Насиловали, отымали скот,
Разстреливали голодающих,
Питались человечиной, детей
Засаливали впрок, — была разруха,
Был голод. Наконец пришла чума.

7

Безглазые сгущались времена,
Земля казалась шире и просторней,
Людей же стало меньше, Но для них
Среди пустынь не доставало места,
Они мечтали только об одном:
Скорей построить новые машины
И вновь начать такую же войну.
Так кончилась предродовая схватка,
Но в этой бойне не уразумели,
Не выучились люди ничему.

ПРОРОК

1

Я — голос вопиющего в пустыне
Кишащих множеств, в спазмах городов,
В водоворотах улиц и вокзалов —
В безлюднейшей из всех пустынь земли.

2

Мне сказано: Ступай на рынки — надо
Что б каждый раб был призван к мятежу,
Но не мечи им истин, но взрывай
Пласты оцепенелых равновесий:
Пусть истина взовьется как огонь
Со дна души раз'ятой вихрем взрыва,
Беда тому, кто убедит глупца!

Принявший истину на веру —
Ею слепнет,
Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой:
Насилье истиной
Гнуснее всех убийств;
Кто хочет бунта — сей противоречья,
Кто хочет дать свободу — соблазняй,
Будь поджигателем,
Будь ядом, будь трихиной,
Будь оводом безумящим стада!

3

Вы, — узники своих же лабиринтов!
Вы, — мертвецы заклепанных домов!
Вы, — северы, мечущие бомбы

В парламенты, и в биржи, и в дворцы!
Вы мыслите разрушить динамитом,
Все то, что проростает изнутри
Из вас самих с неудержимой силой?
Я призываю вас к возстанью против
Законов естества и разума:

К прыжку из человечества —
К последнему безумью —
К пересозданию самого себя!

4

Кто написал на этих стенах кровью:
Свобода, Братство, Равенство, иль Смерть —
Свободы нет, но есть освобождение.
Среди рабов единственное место
Достойное свободного — тюрьма!
Нет братства в человечестве иного,
Чем братство Каина. Кто связан кровью
Еще тесней, чем жертва и палач?
Нет Равенства — есть только равновесье,
Но равновесье — противуупор:
И две стены, свергаясь друг на друга
Единый образуют свод.
Вы верите, что цель культуры счастье?
Что благосостоянье — идеал?
Страдание и голод — вот резец свободе,
Которым смерть ваяла человека.
Не в равенстве, не в братстве, не в свободе
А только в смерти — правда мятежа.

5

Закона нет! Есть только принуждение,
Все преступления создаст закон.

Преступны те, которым в стаде тесно:
Судить не их, наказывать не вам —
 Перед преступником
 Виновно государство.
Не пресекайте, но готовьте русла
Избытку сил. Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти. Не противесь злом.
Проникнуть в вас: все зло вселенной
Приняв в себя — собой преобразить должно.
Вы ж создали затворы и запреты.
Суд гасит страсть, правительство мятеж
Врач гасит жизнь, священник гасит совесть:
Довольно вам заповедей на «не»:
Всех «не убий», «не делай», «не укради» —
Единственная заповедь: «ГОРИ!»
Ни в небесах, ни на земле: Проверь
Весь внешний мир — везде закон, причинность,
Но нет любви: ея источник — ты.
Бог есть любовь. Любовь же огонь, который
Пожрет весь мир и переплавит плоть.
Прислушайся ко всем явлениям жизни:
Двойной поток: цветенье и распад.
Беги не зла а только угасанья;
И грех и страсть — цветенье, а не зло:
 Обеззараженность
 Отнюдь не добродетель!

6

Законодатель строит государство
Не на правах, а на лишении прав:
Зане для дум не хватит в мире места
Раз оба не поступятся своим.
А вы стремитесь каждому вернуть
 Обменной ценностью
Плоды его работы?

Ни преступление,
Ни творчество, ни труд
Не могут быть оплачены: оплата
Труда бессмысленна; лишь подаянье
Есть мзда достойная творца.
Как дерево созревшие плоды.
Роняйте на землю
И простирайте ветви
За милостыней света и дождя —
Дано и отдано?
Подарено и взято?
Все погашается возвратом?
Торгаши!
Вы выдумали благодарность, что бы
Поймать в зародыше
И удушить добро?
Не отдавайте давшему; отдайте
Иному, что бы тот отдал другим;
Тогда даянье брошенное в море
Взволнует души, ширясь как волна.
Вы боретесь за собственность? Но кто же
Принадлежит кому: владельцу вещь?
Иль вещи помыкают человеком?
То собственность, что можно подарить;
Вы отдали; и этим вы богаты.
Но вы рабы всего, что жаль отдать.

7

С собою мы уносим только то,
От обладанья чем мы отказались.
Неужто вы останитесь хранить
Железный хлам угрюмых привидений?
Вы были слизью в лоне океана
И унесли его в своей крови.

Вы отреклись от солнечного света,
Чтоб затеплить во тьме жилищ огонь.
Распады утомленных равновесий
Истратили на судоргу машин.
В едином миге яростного взрыва
Вы истощили вечности огня.
Окончилась культура Прометея,
И очагом отныне станет взрыв
И сплавит мир вселенским новым сплавом.
Вы поняли сцепленья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены как мина
Заряженная в недрах вещества!
Вы — пламя замурованное в безднах,
 Вы факел кинутый
 В пороховой подвал!
Самовзрыватель, будь же динамитом!
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней размах! Отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры!
Ужель вам ждать пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля.
И в сонмах солнц не вспыхнуть новым солнцем —
Косматым вихрем Млечного Пути?

ЛЕВИАФАН

Множество соединенное в одном лице именуется Государством — „Таково происхождение Левиафана, или, говоря почтительнее — этого Смертного Бога“.

Гоббс „Левиафан“.

1

Мне — Иову сказал Господь: «Смотри:»
Вот царь зверей — всех тварей завершенье.
Левиафан! Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости моей».

2

И вот, как материк, из бездны пенной,
Взрыв Океан поднялся зверь зверей —
Чудовищный, огромный, многочисленный...
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь страстей, мерцание зеркал,
И беглый огонь, и молний излученье.

3

«Он в день седьмой был Мною сотворен».
Сказал Господь: «Все жизни отпавленья
В нем дивно согласованы: лишен
Сознания — он весь пищеваренье.
И человечество издревле включено
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нем оно
Великий жернов сердца. Тусклым, косным

Его ты видишь. Рдяною рекой
Струится свет мерцающий в огромных
Чувствилищах, а глубже в безднах темных
Зияет голод вечною тоской.
Чтоб в этих недрах медленных и злобных
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существ ему подобных
И дам им власть друг друга пожирать».

4

И видел я, как бездна Океана
Извергла в мир голодных спрутов рать,
Вскипела хлебь и сделалась багряна.
Я день рожденья начал проклинять.
Я говорил:

5

«Зачем меня сознанием
Ты в этой тьме крошечной озарил,
И дух живой вдохнул в меня дыханьем
Дозволил стать рабом бездушных сил,
Быть слизью жил, бродилом соков чревных
В кишках чудовища?»

6

В раскатах гневных
На бури отвечал Господь: «Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты,
И смысл хулить моих предначертаний?
Весь прах, вся плоть, посеянные Мной
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда Любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба
Лишь первый знак к пожарищам любви...
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,

**Я сам томлюсь огнем в твоей крови.
Как я тебя — так ты взыскуешь землю.
Сгорая — жги! Замкнутый в гроб — живи!
Таким мой мир приемлешь ли?**

7

«Приемлю...»

СУД

1

**Праху — прах. Я стал давно землей:
Мною
Цвели растенья, мною светило солнце,
Все, что было плотью
Развеялось, как радужная пыль —
Живая, безымянная.
И океан времен
Катил прибой столетий.**

2

**Вдруг
Призыв Анхангела
Насквозь сверкающий
Кругами медных звуков
Потряс вселенную —
И вспомнил себя
Я каждою частицей
Разсеянною в мире.**

3

**В трубном вихре плотью
Истлевшие цвели в могилах кости,
В земных утробах
Зашевелилась жизнь.
А травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнели, холодело солнце.**

4

Настало

Великое молчанье.
В шафранном
И тусклом сумраке земля лежала
Разверстым кладбищем.
Как бурые нарывы
Могильники вздувались, разседались
Обнажая
Побеги бледной плоти: пясти
Ростками тонких пальцев
Тянулись из земли,
Ладони розовели,
Стебли рук и ног
С усиьем проростали,
Вставляли торсы, мускулы вздувались,
И быстро поднималась
Живая нива плоти,
Волнуясь и шурша.

5

Когда же темным клубнем
В комках земли и спутанных волос
Раскрылась голова,
И мертвые разверзались очи — небо
Разодралось как зановес,
Изсякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть.

6

И каждый
Внутри себя увидел СОЛНЦЕ
В Зверином Круге...

7

... И сам себя судил.

СОДЕРЖАНИЕ

УСОБИЦА

[illegible]

ПУТЯМИ КАИНА

[illegible]

reprinted 1983

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES

ISBN 0-933884-38-9